

Вопрос о Турции на Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.)

В комплексе взаимоотношений союзников по антигитлеровской коалиции во время Второй мировой войны одной из самых сложных проблем был вопрос об открытии второго фронта, по которому у Советского Союза, Великобритании и США возникали серьезные разногласия. Как известно, Сталин настаивал на скорейшем осуществлении союзниками операции в Европе еще с первых месяцев Великой Отечественной войны. Американское руководство выступало за план высадки англо-американских войск на севере Франции (операция «Оверлорд»). Британский премьер-министр У. Черчилль считал, что лучшим вариантом открытия второго фронта является наступление из Италии на Балканы. Летом-осенью 1943 г. в связи с изменением военно-политической ситуации (победа Красной армии на Курской дуге и ее наступление на Украине, взятие англо-американскими войсками Сицилии и свержение режима Муссолини в Италии) возникла необходимость в разработке дальнейшей стратегии союзников. Планы ведения войны затрагивали и нейтральную на тот момент Турцию, позиция которой имела большое значение с точки зрения развития ситуации на Балканах. В частности, на встрече Рузвельта и Черчилля, состоявшейся 17–24 августа в Квебеке, было решено не настаивать на вступлении Турции в войну (это требование союзники ранее неоднократно выдвигали), а потребовать у Турции предоставление аэродромов, необходимых для открытия второго фронта на Балканах¹.

Советское руководство было противником такого балканского варианта, поскольку не хотело, чтобы английские и американские войска вошли на Балканы раньше советских. Москва предпочитала вступление Турции в войну. Советская печать в этот период выступала с критикой турецкого нейтралитета. Так, в сентябре 1943 г. в журнале «Война и рабочий класс» была опубликована статья под заголовком «Кому на пользу нейтралитет Турции?», в которой утверждалось, что турецкий нейтралитет становится все более выгодным для Германии, поскольку обеспечивает безопасность балканского фланга германских армий и дает возможность Германии концентрировать подавляющую часть немецких войск на советско-германском фронте. Завершалась статья весьма угрожающе: «Советская общественность внимательно следит за нынешней турецкой внешней политикой и изучает факты для того, чтобы определить свое отношение к этой политике»². Естественно, подобные статьи отражали недовольство советского руководства позицией Турции. Это недовольство неоднократно высказывалось и министром иностранных дел СССР В.М. Молотовым, который в беседах с турецким послом

¹ Olaylarla Türk Dış Politikası. Cilt: 1 (1919–1973). Ankara, 1982. S. 179.

² Васильев Н. Кому на пользу нейтралитет Турции? // Война и рабочий класс. 1943. № 7. С. 21.

упрекал его страну в том, что она заключила договор с Германией 18 июня 1941 г., когда готовилось нападение на СССР³.

Одним из важнейших событий, как с точки зрения взаимоотношения союзников, так и с точки зрения их политики в отношении Турции стала Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, проходившая с 19 по 30 октября 1943 г. Турецкий исследователь С. Дерингиль считает, что с этой конференции началось давление Советского Союза на Турцию⁴, хотя изначально предложение об обсуждении совместной политики союзников в отношении Турции было внесено Великобританией⁵. Один из пунктов озвученной Молотовым на первом заседании конференции повестки дня предполагал «рассмотрение мероприятий по сокращению сроков войны против Германии и ее союзников в Европе», и в качестве одного из этих мероприятий предполагалось «сделать турецкому правительству предложение от имени трех держав о немедленном вступлении Турции в войну»⁶. Министр иностранных дел Великобритании А. Иден и государственный секретарь США К. Хэлл заявили о необходимости обсудить предложения советской стороны с руководством своих стран.

Черчилль в своем ответе Идену от 20 октября поручил ему «попытаться выяснить подлинные намерения русских относительно Балкан». Английскому министру иностранных дел предстояло узнать следующее: «Может ли получить их одобрение план наших действий через Эгейское море, вовлечения в войну Турции и открытия Дарданелл и Босфора с тем, чтобы английские военно-морские силы и торговые суда могли оказать помощь русскому наступлению, и мы в конце концов могли бы подать русским правую руку на Дунае?»⁷. Таким образом, Черчилль воспринял советское предложение о вовлечении Турции в войну как удачную возможность для продвижения своего «излюбленного» балканского варианта открытия второго фронта. Однако он сам признавал наличие трудностей в реализации своих планов: «по политическим причинам русские, возможно, не пожелают, чтобы мы создавали балканскую стратегию больших масштабов». Кроме того, необходимо было учитывать неблагоприятное отношение американского руководства к реализации операции на Балканах. Поэтому в соответствии с полученными инструкциями министр иностранных дел Великобритании высказывался на конференции по вопросу о Турции весьма осторожно.

Так, в ходе второго заседания конференции 20 октября Иден, говоря о желательности «втянуть Турцию в войну», подчеркнул, что при определении времени этого события необходимо исходить из общих интересов союзников. При этом он напомнил, что в случае начала войны против Германии Анкаре была обещана

³ Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999. С. 458–459.

⁴ Deringil S. Denge Oyunu. İkinci Dünya Savaşında Türkiye'nin Dış Politikası. İstanbul, 2003. S. 204.

⁵ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сб. документов. Т. 1. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). М., 1984. С. 43.

⁶ Там же. С. 90.

⁷ Черчилль У. С. Вторая мировая война: В 6 т. Т. 5: Кольцо смыкается. М., 1998. С. 174–175.

значительная военная помощь, которую на тот момент союзники были не в силах предоставить. Кроме того, по мнению Идена, необходимость в использовании военных баз на территории Турции отпала, так как после свержения режима Муссолини в распоряжении союзников оказалась территория Италии. Однако в завершении Иден добавил: «Если наши русские друзья полагают, что мы должны оказать давление на Турцию, и если будет показано, что мы получим выгоду от вступления Турции в войну, то мы были бы готовы рассмотреть этот вопрос»⁸. Таким образом, англичане оставляли для себя возможность впоследствии представить (прежде всего в глазах американцев) ситуацию так, будто они были вынуждены присоединиться к советской точке зрения⁹.

Кроме того, Иден подчеркнул, что, предоставляя туркам военные материалы, англичане поставили условие, что «эти материалы должны позволить Турции сыграть свою роль в борьбе против Германии», а в случае отказа Турции от выполнения своих обязательств эти поставки будут прекращены¹⁰. Вероятно, подобными высказываниями глава Форин Оффис стремился развеять существовавшие у советского руководства опасения, что эти вооружения будут использованы против СССР. По поводу позиции Англии в отношении Балкан Иден заявил, что для них желательно участие турецкой армии в изгнании немцев из этого региона, но они «не хотели бы турецкого вмешательства, когда немцы уже уйдут оттуда»¹¹. Так английский министр иностранных дел делал реверанс в сторону особых интересов Москвы на Балканах. Хэлл во время этого заседания воздержался от высказываний по обсуждаемой проблеме.

Вопрос о Турции также был затронут во время состоявшейся 21 октября беседы И.В. Сталина с Иденом. Английский министр иностранных дел спросил, почему Сталин считает, что наступил благоприятный момент для вступления Турции в войну. Сталин ответил, что «в следующем году участие Турции в войне будет ненужным»; кроме того, по его мнению, в настоящий момент «турецкий нейтралитет, который в свое время был полезен союзникам, полезен Гитлеру, ибо он прикрывает его фланг на Балканах». Сталин также заявил, что Турция должна заслужить участие в мирной конференции своим вкладом в дело победы. Свою убежденность в успехе этого вклада глава советского государства обосновывал тем, что немцы не смогут оказать сильного сопротивления Турции, так как «у них не хватает резервов»¹².

Инструктируя Идена для ведения дальнейшей дискуссии по поводу Турции, 23 октября Черчилль писал, что если союзники заставят Турцию вступить в войну, то она потребует военную помощь, которую англичане не смогут предоставить без ущерба основным операциям в Италии. Но если Турция объявит войну Германии «по собственной инициативе» или подвергнется нападению со стороны

⁸ Советский Союз на международных конференциях... С. 102–103.

⁹ Deringil S. Denge Oyunu. S. 205.

¹⁰ Советский Союз на международных конференциях... С. 102.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 123.

Германии, то союзники получают те же преимущества, но им не придется выполнять обязательства по поставке вооружений¹³.

После консультаций со своими правительствами главы внешнеполитических ведомств Великобритании и США предоставили меморандумы о Турции 25 октября и 28 октября соответственно. В ответе английской стороны признавалось, что немедленное вступление Турции в войну будет полезно союзникам, но отмечалось, что вероятность ее вступления в войну по собственной инициативе мала. Поэтому англичане предлагали обсудить, во-первых, что союзники могут предложить Анкаре, чтобы побудило ее вступить в войну, и, во-вторых, в случае отказа, следует ли «попытаться силой заставить ее пойти на это». В качестве третьего варианта предлагалось использование турецких аэродромов в Юго-Западной Анатолии при осуществлении операции союзников в Эгейском море. При этом в меморандуме упоминалась помощь, оказанная турками англичанам в ходе борьбы за эгейские острова: «Они позволили нам использовать турецкую территорию для доставки снабжения (включая жидкое топливо) на некоторые острова, и они не протестовали против пребывания наших военных кораблей в турецких территориальных водах». По мнению англичан, предоставив в распоряжение союзников свои аэродромы, Турция перейдет с позиции нейтралитета на позицию невоюющей стороны, а «затем можно было бы выработать пути перехода с позиции невоюющей стороны к активному участию в войне»¹⁴. Кроме того, 25 октября Черчилль отправил Идену дополнительную директиву, в которой выдвинул предположение, что было бы более целесообразно поддерживать Советский Союз в его мнении о необходимости вступления в войну Турции и, заявив о принципиальном согласии, обсудить пути преодоления трудностей, которые возникнут с переходом Турции в статус воюющей стороны¹⁵.

В меморандуме К. Хэлла была высказана точка зрения о нецелесообразности побуждения Турции к объявлению войны Германии, поскольку это вызвало бы истощение ресурсов союзников, которые сейчас направляются на подготовку вторжения в Северную Францию и для поддержки наступления в Италии. Однако американское правительство предложило «выяснить у турецкого правительства возможность предоставления Турцией, как нейтральным государством, в аренду авиационных баз и транспортных средств»¹⁶.

Министры иностранных дел вернулись к обсуждению вопроса о Турции на заседании 28 октября. Молотов констатировал, что точки зрения сторон по этому вопросу существенно расходятся, и интерпретировал отказ англичан и американцев поддержать советское предложение о привлечении Турции к войне как их нежелание участвовать в дополнительных мероприятиях по сокращению войны, помимо операции по открытию второго фронта в Северной Франции. Признавая, что начало Турцией военных действий не является мерой, без которой невозможно обойтись, Молотов повторил тезис о пользе для общего дела немедленного

¹³ Churchill S. W. The Second World War. Vol. 5. Closing the Ring. Boston, 1985. P. 256–257.

¹⁴ Советский Союз на международных конференциях... С. 296.

¹⁵ Churchill S. W. The Second World War. Vol. 5. Closing the Ring. P. 257.

¹⁶ Советский Союз на международных конференциях... С. 303–304.

вступления Турции в войну, не ограничиваясь «полумерами, вроде требования баз или чего-либо подобного». В случае же отказа Анкары, по мнению советского наркома, следовало прекратить поставки ей оружия¹⁷. Иден возразил на это, что «обращение к Турции, основанное только на угрозе прекращения поставок ей оружия, едва ли будет иметь успех». Отмечая заинтересованность Великобритании во вступлении Турции в войну, Иден предложил снова обсудить этот вопрос со своим правительством и подумать о методах, с помощью которых можно было бы добиться вступления Турции в войну без серьезных последствий для союзников¹⁸. Хэлл, повторив изложенный в представленном им меморандуме тезис о нехватке ресурсов, пообещал передать высказанные Молотовым соображения президенту и Комитету начальников штабов США для дальнейшего изучения¹⁹. В завершение дискуссии Молотов добавил, что предложение советской стороны «не только в интересах союзников, но и в интересах самой Турции»²⁰. Таким образом, дальнейшее обсуждение вопроса о Турции было решено отложить.

Во время встречи с Молотовым 30 октября Иден сообщил ему, что министр иностранных дел Турции Н. Менеменджюглу предложил ему провести переговоры в Каире, и спросил мнение советского наркома по этому поводу. Молотов ответил, что англичанам следовало бы принять советское предложение. Иден отметил, что если он потребует вступления Турции в войну, Менеменджюглу может спросить его об обещанных его стране самолетах, которые Англия предоставить не может. Вступивший в беседу посол Великобритании в СССР А. Кларк Керр выразил мнение, что стоит пригласить турецкого министра иностранных дел в Каир и предложить Турции вступить в войну. По поводу обещанных Англией самолетов Кларк Керр предложил сказать, что «военно-политическая ситуация изменилась в благоприятную для Турции сторону с тех пор, как было дано это обещание»²¹. Молотов с готовностью поддержал эту аргументацию английского посла, добавив, что после перехода Италии на сторону союзников военное положение благоприятствует вступлению Турции в войну, а «два десятка самолетов, которые будут необходимы в случае участия Турции в войне, найдутся»²². В итоге Иден заявил, что «склоняется к точке зрения советского правительства»²³. Таким образом, по крайней мере, внешне произошло сближение позиций Великобритании и СССР. Такая ситуация представляла опасность для Турции, в планы которой не входило вступление в войну. Поэтому в те дни Менеменджюглу и другие турецкие политические деятели опасались, что Черчилль готовится к тому, чтобы втянуть Турцию в войну, чего бы это ни стоило²⁴.

¹⁷ Там же. С. 218.

¹⁸ Там же. С. 219.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 238–239.

²² Там же. С. 239.

²³ Там же.

²⁴ Deringil S. Denge Oyunu. S. 206.

В особо секретном протоколе, подписанном по итогам Московской конференции, было зафиксировано лишь намерение правительств Великобритании, США и СССР продолжить изучение вопроса о Турции²⁵. Однако 1 ноября, после подписания протокола, состоялась беседа Молотова с Иденом, во время которой английский министр заявил, что готов подписать документ о вовлечении Турции в войну. В тот же день был подписан «Протокол о Турции» следующего содержания:

1. Два министра иностранных дел считают крайне желательным, чтобы Турция вступила в войну на стороне Объединенных Наций до конца 1943 г. с тем, чтобы она могла принять участие вместе с Объединенными Нациями в ускорении поражения гитлеровской Германии, в котором заинтересованы Турция и другие свободолюбивые государства.

2. Два министра иностранных дел соглашаются о том, чтобы было предложено Турции от имени правительств Соединенного Королевства и Советского Союза в ближайший момент времени, который должен быть согласован между ними, вступить в войну до конца 1943 г.

3. Два министра иностранных дел соглашаются о том, чтобы немедленно попросить Турцию оказать Объединенным Нациям всю возможную помощь путем предоставления возможностей на турецких авиабазах в распоряжение союзных сил и обеспечения тех других возможностей, которые могут быть признаны желательными двумя правительствами²⁶.

При подписании протокола А. Идеи вручил В.М. Молотову ноту, в которой говорилось, что, согласно достигнутой между ними договоренности, он намерен обратиться к турецкому министру иностранных дел с просьбой о предоставлении Англии военно-воздушных баз в Турции. Таким образом, англичане добились от советской стороны согласия на немедленное обращение к Анкаре с просьбой о предоставлении авиабаз. Очевидно, именно с этой целью Иден и вернулся к обсуждению вопроса о Турции. Срочная необходимость в использовании турецких аэродромов в Эгейском регионе, по предположению К. Гюрюна, появилась в связи с тем, что 27 октября англичане получили сведения разведки о том, что 4 тыс. человек из состава германских альпийских войск и много десантных судов прибыли в греческий порт Пирей для контратаки на острове Лерос, захваченном Великобританией 14 сентября²⁷. По мнению того же Гюрюна, Лондон мог бы выступить с подобной инициативой в отношении Турции и без поддержки Москвы. Но совместное обращение с СССР позволило бы англичанам в случае необходимости заявить, что они действовали подобным образом под советским давлением²⁸. Добавим, что присоединение советского правительства к требованию об авиабазах в духе рассуждений Черчилля о вступлении Турции в войну по собственной инициативе могло бы также облегчить бремя ответных требований турок об оказании им военной помощи.

²⁵ Советский Союз на международных конференциях... С. 340.

²⁶ Там же. С. 373.

²⁷ Gürün K. Savaşın Dünya ve Türkiye. Cilt 3: Savaş 1939–1945. İstanbul, 2000. S. 411.

²⁸ Ibid. S. 411.

Иден сообщал своему американскому коллеге о содержании его дискуссий с Молотовым о Турции. Советский нарком поручил английскому министру спросить у Хэлла, согласна ли американская сторона присоединиться к «Протоколу о Турции». Хэлл пояснил, что не имеет полномочий подписывать подобные соглашения²⁹. После того как американской стороне был передан текст протокола, Молотов вновь спросил о позиции США по этому вопросу у американского посла в СССР А. Гарримана и, по словам посла, был явно разочарован тем, что ответ из Вашингтона по этому поводу все еще не получен³⁰. Оценивая советскую позицию, Гарриман отмечал, что «согласно примитивной точке зрения русских, поскольку они пролили много крови, чтобы остановить Гитлера, нет никаких причин, по которым турки не должны сделать то же самое, если это поможет сократить сроки войны». По мнению американского посла, выдвигая требование о вступлении Турции в войну, советские руководители «абсолютно безразличны по вопросу о моральных или материальных обязательствах относительно помощи Турции в ее борьбе с Германией»³¹.

В то же время Иден сообщил Гарриману, что планирует встретиться с министром иностранных дел Турции в Каире 4 ноября и будет настаивать на немедленном предоставлении турецких аэродромов, а если представится возможность, прозондирует его на предмет полномасштабного участия Турции в войне³². 4 ноября Рузвельт в телеграмме Черчиллю сообщил, что США согласны присоединиться к Англии и СССР, чтобы немедленно предъявить Турции требование относительно использования воздушных баз, а позднее в том, чтобы настаивать на вступлении Турции в войну до конца года. При этом делалась оговорка, что «никакие ресурсы Соединенных Штатов или Британии не будут выведены в восточные районы Средиземного моря»³³. 10 ноября 1943 г. посол США в СССР А. Гарриман передал В.М. Молотову письмо аналогичного содержания³⁴.

В турецкой прессе Московская конференция была встречена как важное событие, тем не менее в комментариях журналистов присутствовали некоторые опасения. В некоторых статьях ощущалось проявление «показного доверия» к Советскому Союзу, но оно скорее было призвано скрыть существовавшие подозрения³⁵. Даже известный своими антисоветскими настроениями журналист Х. Дж. Ялчин в те дни смягчил свою риторику. В своей статье от 22 октября он писал: «Невозможно представить, что у нашего соседа и друга – Советского Союза, с которым мы связаны долгой дружбой, есть в отношении нас какие-либо намерения, кроме благих. Точно так же нет вероятности того, что наши английские союзники, в искренности и верности которых у нас не ни малейших сомнений,

²⁹ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1943. The Conferences at Cairo and Tehran. Washington: US Government Printing Office, 1961(далее – FRUS). P. 144–146.

³⁰ Ibid. P. 148.

³¹ Ibid. P. 153.

³² Ibid. P. 149.

³³ Ibid. P. 151.

³⁴ Советский Союз на международных конференциях... С. 373.

³⁵ Deringil S. Denge Oyunu. S. 208.

могут согласиться вести в Москве переговоры, направленные против нас»³⁶. После окончания конференции эти подозрения только усилились. Тот же Ялчин обращает внимание на то, что Рузвельт, отвечая на вопрос об итогах конференции, сообщил лишь, что он удовлетворен ее результатами. Турецкий журналист заявлял, что «весь мир хочет разделить это удовлетворение», но подобных формальных заявлений не достаточно, чтобы удовлетворить надежды, связываемые с конференцией. Тем более что, как подчеркивает Ялчин, не было известно, для чего конференция созывалась³⁷. Тот факт, что турецкой стороне не сообщалось, какие вопросы обсуждались на Московской конференции и какие решения были приняты, подчеркивает в своем исследовании и К. Гюрюн³⁸.

Для того чтобы проинформировать турецкое руководство о решениях Московской конференции, Иден пригласил Менеменджюглу в Каир, где с 5 по 8 ноября 1943 г. между двумя министрами иностранных дел состоялся ряд непростых бесед. Однако, хотя по официальным каналам Анкара действительно не получала информации об итогах Московской конференции, согласно версии, изложенной турецким дипломатом Феридуном Джемалем Эркином в своей книге воспоминаний, еще до отъезда Менеменджюглу в Каир посол Германии Франц фон Папен сообщил турецкому министру иностранных дел о том, что в Москве было принято решение предложить Турции вступить в войну³⁹. Эту информацию фон Папен получил от работавшего в английском посольстве шпиона под кодовым именем «Цицерон». Поэтому, по мнению Гюрюна, Менеменджюглу отправился в Каир подготовленным. В своих мемуарах фон Папен пишет, что он был информирован о принятом в Москве решении до конца года вынудить Турцию объявить войну⁴⁰. Однако о передаче этих сведений Менеменджюглу он не упоминает. И сам глава турецкого МИД в своих неопубликованных мемуарах, цитату из которых приводит Дерингиль, заявил, что в Каире он «столкнулся с сюрпризом»⁴¹.

Первым вопросом, обсуждавшимся на каирских переговорах, стали итоги Московской конференции. Менеменджюглу, прежде всего, интересовала позиция советской стороны. Иден, отвечая на его вопросы, отметил, что советские представители, «вопреки обыкновению, стремились проявлять общительность», и их основные требования были связаны с принятием мер, которые обеспечат скорейшее завершение войны⁴².

На вопрос Менеменджюглу, каковы будут действия англичан в случае ввода советских войск в Румынию и Болгарию после окончания войны, Иден, подчеркнув, что Великобритания и Советский Союз являются друзьями и союзниками, заявил, что нет признаков того, что у СССР есть экспансионистские намерения

³⁶ Цит. по: Deringil S. Denge Oyunu. S. 208.

³⁷ Цит. по: Deringil S. Denge Oyunu. S. 209.

³⁸ Gürün K. Savaşın Dünyası ve Türkiye. Cilt 3: Savaş 1939–1945. S. 413.

³⁹ Erkin F. C. Dışişlerinde 34 Yıl. Anılar-Yorumlar. C. 1. Ankara, 1980. S. 135.

⁴⁰ Папен Ф. фон. Вице-канцлер Третьего рейха. Воспоминания политического деятеля гитлеровской Германии. 1922–1947. М., 2005. С. 501.

⁴¹ Deringil S. Denge Oyunu. S. 209.

⁴² Türkiye Dış Politikasında 50 Yıl. İkinci Dünya Savaşı Yılları (1939–1946). Ankara, 1973 S. 152.

в отношении Балкан. Примечательно, что, говоря о том, что Советский Союз не стремится к экспансии, Иден добавил: «Возможно, я ошибаюсь. Но я должен основывать на чем-то свою политику»⁴³. Вряд ли такие слова могли показаться турецкому министру убедительными.

Следует отметить, что высказывания английского министра иностранных дел не вполне достоверно отражали картину Московской конференции. Так, он заявил, что русские отзывались о Турции в дружественном тоне. На самом же деле, как было отмечено выше, советское руководство выражало недовольство позицией Анкары. Менеменджюглу возразил, что позиция Советского Союза в отношении Турции представляется ему отличной от описанной Иденом и привел в пример опубликованную в журнале «Война и рабочий класс» статью, в которой критиковалась политика Турции. В статье говорилось, что турецкая делегация, посетившая Москву в начале войны [имеется в виду визит министра иностранных дел Турции Ш. Сараджоглу в сентябре-октябре 1939 г. – *Авт.*], представляла Турцию, являвшуюся союзницей «мюнхенцев», т.е. заключенный в то время союз турок с англичанами истолковывался как сотрудничество в духе «мюнхенского сговора». Однако, отметил Менеменджюглу, когда Сараджоглу был в Москве, Англия уже была в состоянии войны и Турция являлась союзником страны, воюющей против Германии⁴⁴. В связи с этим Менеменджюглу прямо спросил у Идена, беспокоит ли Советский Союз, что Турция является союзником Англии. Иден ответил: «Ни в коем случае» и в качестве подтверждения доверия Советов привел тот факт, что они не направили в Каир своего представителя, позволив ему самому вести переговоры.

Когда Иден заявил, что советское руководство убеждено, что вступление Турции в войну обеспечит изгнание немцев с Балкан, Менеменджюглу спросил: «Если наше вступление в войну поможет проникновению русских на Балканы, будет ли это полезно?» Иден ответил, что если бы у русских были намерения в отношении Балкан, они не хотели бы вступления Турции в войну». Отметим, что искренность этого утверждения также представляется весьма спорной.

Менеменджюглу выдвинул предположение, что Советский Союз хочет вступления Турции в войну, чтобы истощить ее силы. Иден ответил, что немцы уже не в состоянии истощить Турцию, а самой надежной гарантией для Турции будет формирование союзнических отношений с СССР в результате участия страны в войне. Однако Менеменджюглу вновь повторил свои опасения: «Чтобы пойти на объявление войны, Турция должна быть уверена в том, что русские сохраняют дружественные отношения с Великобританией и США и после войны и не предпримут действий, противоречащих английской и американской политике, которым они не смогут препятствовать»⁴⁵.

После того как Менеменджюглу выдвинул эти контраргументы по вопросу о вступлении Турции в войну, Иден заявил о требовании английского правительства

⁴³ Ibid. S. 153–154.

⁴⁴ İkinci Dünya Savaşı Yılları. S. 154.

⁴⁵ Ibid. S. 155.

предоставить авиабазы в Западной Анатолии. Несмотря на заверения английского министра иностранных дел о том, что выполнение этого требования не вызовет нападения на Турцию Германии, которая сейчас слаба, Менеменджиоглу настаивал, что это будет равносильно прямому вступлению в войну. Англичане вновь начали говорить о пользе, которую принесет вступление Турции в войну. Но турецкий министр, не согласившись с приведенными доводами, выдвинул следующие доводы:

1. Турция вступит в войну для осуществления конкретного стратегического плана и достижения конкретной цели. Поскольку такой план и цель не объявлены, невозможно определить и место Турции в стратегии союзников.

2. Возможно, Германия и Болгария не в силах осуществить полномасштабную операцию против Турции, но они смогут захватить Стамбул или, что более важно, со своих баз в Греции и Болгарии нанести воздушные удары по Стамбулу и Измиру и разрушить их.

3. Турецкое правительство предполагает, что требование о вступлении в войну было сделано под давлением Советского Союза, и сомневается, что после войны Англия сможет поддержать Турцию. Турция опасается, что Балканы полностью попадут в сферу влияния СССР. Поскольку союзники не обсуждают с Турцией планы ведения войны и заключение соглашения о послевоенном устройстве, в таких условиях объявление Турцией войны было бы авантюрой.

4. В Адане⁴⁶ было решено, что Турции будет предоставлено военное снаряжение в объеме, достаточном для того, чтобы Турция смогла самостоятельно принять решение о вступлении в войну. Но вопрос о военной помощи зашел в замкнутый круг: англичане обвиняют Турцию в том, что они выдвигают завышенные требования только для того, чтобы не вступать в войну, а Турция обвиняет англичан в том, что они пытаются втянуть ее в войну, не выполнив обозначенные в соглашении обязательства по предоставлению помощи⁴⁷.

В ходе заключительной беседы Иден в достаточно угрожающей манере сообщил о последствиях отказа Турции выполнить требования союзников. Он заявил, что если Турция не предоставит воздушные базы, англичанам придется пересмотреть вопрос о военных поставках. Если же Анкара откажется вступать в войну, это отрицательно повлияет на ее отношения с союзниками, как в настоящий момент, так и впоследствии⁴⁸. Таким образом, угроза распространялась и на послевоенный период. Тем не менее, в итоге Менеменджиоглу все же отверг требование англичан предоставить им воздушные базы, а по вопросу о вступлении в войну заявил, что представит его на рассмотрение правительству.

До отъезда из Каира состоялась еще одна встреча Менеменджиоглу с Иденом и английским послом в Турции Нэтчбулл-Хьюджессеном, носившая неофициальный характер. Турецкий министр иностранных дел доказывал английским дипломатам, что если бы Турция приняла ранее сделанные требования о вступлении в

⁴⁶ Имеются в виду переговоры Черчилля и Иненю, состоявшиеся в Адане 30–31 января 1943 г.

⁴⁷ İkinci Dünya Savaşı Yılları. S. 155–156.

⁴⁸ FRUS. P. 165–166.

войну, то это привело бы к плачевным результатам для самой Англии. Точно так же и на этот раз, если немцы захватят Стамбул и Проливы, «мы будем надеяться, что русские разобьют немцев и освободят Стамбул? В таком случае русские освободят Стамбул ради меня?» – спрашивал Менеменджюглу. Кроме того, по мнению турецкого министра, после того как немцы воздушными ударами парализуют жизнедеятельность страны, Турция, которая могла бы стать полезным союзником, превратится в тяжкий груз для Англии. Иден выслушал аргументы Менеменджюглу, не согласился с ним, но не стал и возражать, еще раз выразив надежду на получение турецкого правительства скорейшего ответа⁴⁹.

После того как Менеменджюглу вернулся в Турцию, вопрос обсуждался на совете министров с участием главы генштаба маршала Ф. Чакмака. В результате правительство приняло решение отвергнуть требование союзников о предоставлении в их пользование аэродромов ввиду того, что это неизбежно втянет Турцию в войну; с другой стороны, предложение о вступлении в войну было решено в принципе принять, но при определенных условиях. На заседании правящей Народно-республиканской партии эти условия были сформулированы следующим образом: 1. обеспечение всеми материалами, необходимыми для боеспособности турецкой армии и обороноспособности страны; 2. совместные военные действия с союзнической английской армией; 3. условия, связанные с безопасностью и интересами Турции, должны иметь под собой прочную основу⁵⁰. Ноты соответствующего содержания были переданы 17 ноября английскому послу, а 18 ноября послам СССР и США.

Вновь столкнувшись с использованием турецкими дипломатами «советской угрозы» в качестве аргумента, оправдывающего отказ вступать в войну, англичане попытались добиться от Москвы каких-либо гарантий для Турции. 10 ноября, сообщая советскому послу в Турции Виноградову о ходе переговоров в Каире, Нэтчбулл-Хьюджессен, подчеркнул, что у турок есть опасения относительно послевоенного положения на Балканах⁵¹. 13 ноября Виноградов сказал Менеменджюглу, что если, как он понял со слов английского посла, опасения турок вызваны исключительно наличием чрезмерных требований на Балканах, а не с общим недоверием, у него нет сомнений, что удовлетворительное решение может быть найдено. Менеменджюглу заявил, что если турецкое правительство убедится, что Советы не имеют притязаний на Балканах, то между двумя странами могла бы вновь возникнуть сердечная и близкая дружба, которая существовала многие годы⁵².

18 ноября, когда Менеменджюглу вручил Виноградову ноту о каирских переговорах, советский дипломат пересказал содержание двух бесед английского посла А. Кларк Керра с Молотовым. В ответ на сообщение о существующих у турок опасениях в отношении возможных действий СССР на Балканах Молотов

⁴⁹ İkinci Dünya Savaşı Yılları. S. 159.

⁵⁰ Ibid. S. 161.

⁵¹ FRUS. P. 175.

⁵² Ibid. P. 194.

заявил: «Нам неприятно, что нас так подозревают. Если турки хотят о чем-то спросить, они могут спросить об этом у меня»⁵³. Менеменджюглу присоединился к высказыванию Виноградова о том, что проблемы нужно обсуждать не в присутствии посторонних, а между собой, и добавил, что он не поручал англичанам говорить что-либо. Менеменджюглу заявил Виноградову, что Турция будет обсуждать вопросы, связанные с будущим Балкан, напрямую с Советами, при этом в круг этих вопросов не входит проблема границ Советского Союза 1938 или 1940 г.⁵⁴ Таким образом, турецкий министр иностранных дел давал понять, что не выражает против территориальных притязаний СССР на Бессарабию. Глава МИД Турции пояснил, что его страна не желала бы установления на Балканах ни советского, ни английского влияния, так как это будет препятствовать осуществлению сотрудничества, а Турция вместе с этой «зоной безопасности, находящейся вне зоны влияния великих держав», по словам Менеменджюглу, является «элементом, способствующим англо-советскому сотрудничеству»⁵⁵. Таким образом, министр иностранных дел Турции поставил вопрос о предоставлении гарантий того, что после окончания войны балканские страны не окажутся под контролем СССР, и заявил, что готов к прямым переговорам по этому вопросу, оговорившись, что время для этих переговоров настанет чуть позже. Но ответа на эту инициативу от Советского Союза так и не последовало.

Подводя итог дискуссиям по вопросу о Турции в рассматриваемый период, следует отметить, что и Советский Союз, и Великобритания на том этапе хотели вступления Турции в войну, но по разным причинам: для СССР было важно, чтобы Турция, фактически начав боевые действия, отвлекла на себя часть немецких войск с советско-германского фронта; Англия же стремилась очистить от немцев Эгейское и Средиземное моря, имевшие большое стратегическое значение с точки зрения коммуникаций империи. Поэтому спорным представляется утверждение некоторых турецких авторов о том, что выдвинутые Иденом в Каире требования были сделаны под давлением СССР⁵⁶. Англичане преследовали собственные цели, а на позицию Москвы ссылались, когда хотели припугнуть турок. Однако такая тактика не приносила желаемых результатов: англичане считали, что советская угроза заставит Турцию вступить в войну, а турецкое руководство, напротив, ввиду отсутствия надежных гарантий в отношении послевоенной ситуации предпочитало не ввязываться в войну, а сберечь силы на случай возможного противостояния с Советским Союзом. При этом создавалось впечатление, что большие опасения у Анкары вызывает не нападение Германии, а распространение советского влияния на Балканах и угроза попадания Турции под это влияние. Хотя и утверждения союзников о военной слабости Германии вряд ли могли показаться туркам убедительными, особенно учитывая, что в те дни, когда шли переговоры в Москве и Каире, немцы одерживали верх над союзниками в борьбе за острова

⁵³ İkinci Dünya Savaşı Yılları. S. 163.

⁵⁴ Ibid. S. 164.

⁵⁵ Ibid. S. 164–165.

⁵⁶ Gürün K. Türk-Sovyet İlişkileri. S. 258; Kurat Y.T. Kahire Konferansı S. 313.

в Эгейском море. Позиция американского руководства совпадала с советской позицией в том смысле, что оно также не считало возможным отвлечение ресурсов, необходимых для операций во Франции и Италии, для осуществления кампании на Балканах. Но в отличие от Москвы, которая настаивала на вступлении Турции в войну без выделения ей военной помощи, Вашингтон склонялся к тому, чтобы оставить право решения по этому вопросу за Турцией.

Переговоры в Каире в определенном смысле стали поворотным моментом в политике Турции: она впервые заявила о принципиальном согласии вступить в войну, но выдвинутое ей условие участия в конкретном плане ведения войны предполагало разработку этого плана, которая потребовала бы длительных переговоров. Таким образом, турецкое правительство вновь выиграло время, отодвинув момент своего вступления в войну.